

КУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ ПСИХОТЕРАПЕВТА

Возвращение в юность. После окончания университета, в 1870–1880-е гг., первые шаги к материальному благополучию и известности Зигмунд Фрейд делал в качестве невролога и психиатра. А настоящего успеха он добился в первом десятилетии XX века, когда закончил разработку новой психотерапии и основ нового психологического направления — психоанализа — и приобрел немало сторонников среди молодых врачей, психологов, художников и просто образованных людей. Казалось бы, его дальнейший путь в науке был предопределен, однако вполне успешный врач и ученый довольно неожиданно (тем более, что он был уже близок к шестидесятилетию) покинул с немалым трудом проложенную колею и в 1911 г. принялся за книгу «Тотем и табу» — по его словам, «роман о незапамятных временах», когда закладывались первые камни в фундамент человеческой культуры, этики, искусства и мировоззрения. В 1914 г. книга выходит в свет, затем наступают годы войны, после чего появляются работы, в которых психоаналитик достраивает и перестраивает здание психоанализа, видимо не забывая при этом и о проблемах культуры, пока в последние 10–15 лет своей жизни не посвящает себя почти исключительно культурологической тематике.

Основы подхода к ней Фрейд изложил в «Тотеме и табу», но прежде чем коротко представить их, необходимо остановиться на причинах столь резкого поворота.

Разобраться же в мотивах экспансии психоаналитика в новую для себя исследовательскую область не слишком трудно.

Во-первых, Фрейд и сам не раз объяснял этот свой «кульбит». На склоне лет он честно признавался, что никогда не чувствовал себя по-настоящему врачом и что со временем его интересы вернулись к проблемам культуры, которые изрядно привлекали внимание едва начавшего самостоятельно размышлять юношу. Фрейд утверждает: «Уже на пике психоаналитической деятельности в 1912 г. в „Тотеме и табу“ я попытался использовать только что добытые психоаналитические представления для исследования происхождения религии и нравственности. Два более поздних очерка — „Будущее одной иллюзии“ (1927) и „Неприятие культуры“ (1930) — продолжили данное направление этой работы»¹. Такая смена интересов — явление в науке не редкое: достаточно вспомнить о повороте Сократа от космологии к антропологии или о преобразовании докритического Канта в критического. В данном же случае интересен тот факт, что Фрейд ввел в психологию представление о «возвращении вытесненного», очень напоминающее о перемене, произошедшей с ним, и вполне возможно, что свое открытие психоаналитик сделал, как и в случае с механизмами сновидения, на основании самоанализа.

У этого события, позволившего составить данный сборник, были, разумеется, и более мелкие причины. Скажу только о некоторых (да и то бегло).

Видимо, ближайшим поводом стало появление книги К. Г. Юнга «Трансформация и символы либидо» (1912), в которой этот швейцарский психолог на материале древней мифологии ревизовал фрейдовское учение о бессознательном и о либидо. Фрейд, радевший

¹ Фрейд З. Автопортрет. М.: Азбука-классика, 2017, с. 127.

о чистоте своих концепций, был вынужден опровергать эту юнговскую попытку, и ему пришлось последовать за ним в глубины древней культуры.

Кроме того, Фрейд оказался заботливым отцом не только для своих шестерых детей, но и для своего главного духовного детища — психоанализа. А поскольку профессиональное сообщество либо слишком долго (около четверти века) игнорировало психоанализ, либо даже жестко его отвергало, Фрейду пришлось основать собственное научное объединение (в 1908 г. состоялся первый международный съезд психоаналитиков) и по возможности позаботиться о создании благоприятного общественного мнения о нем. С этой целью параллельно трудам, предназначенным для специалистов, он публикует рассчитанные на широкого читателя научно-популярные сочинения. Так, год спустя после выхода плохо и долго продававшегося «Толкования сновидений» он публикует книгу о повседневных ошибочных действиях (оговорках, описках и т. п.) — «Психопатологию обыденной жизни», которая стала, видимо, самым популярным его произведением. А рукописи «Трех очерков сексуальности» и «Остроумия и его отношения к бессознательному», куда он включил немало собранных им самим еврейских анекдотов, вообще создавались одновременно и вышли одна за другой в 1905 г.

Скорее всего, и экскурс Фрейда в область древнейших культур был связан не только с тем, что именно там Юнг искал аргументы в защиту своей правоты, но и с тем, что книга английского этнолога Дж. Фрэзера «Золотая ветвь», посвященная мифам первобытных народов, стала в конце XIX века бестселлером и сделала этнографию весьма популярной.

И последнее по месту упоминания, но, видимо, не по значению. Один из самых уважаемых учителей Фрейда, крупный физиолог Эрнст фон Брюкке (в его честь

создатель психоанализа назвал одного из своих сыновей), отличался широкой эрудицией, и вовсе не исключено, что Фрейд в этом смысле стремился ему подражать.

В заключение можно отметить, что фрейдовские изыскания в области истории и теории культуры составляют, пожалуй, самую читаемую часть его многочисленных творений.

Тотемизм преобразует запрет инцеста в экзогамию. В «Тотеме и табу» исследуются психологические аспекты тотемизма (древнейшей формы религии) и табу — связанные с ним категорические запреты, ставшие началом этики и права. Название замысловатое, но разобраться можно. А вот подзаголовок «Замечное сходство дикарей и невротиков» изрядно смущает, но не потому, что он непонятен (проще не придумать), и не потому, что он как бы обосновывает право автора заняться далекой от его профессиональной деятельности темой (ибо Фрейд достаточно опытный ученый, чтобы самому решать, что ему под силу), а потому, что заявленный в нем метод аналогии признается современной логикой весьма капризным, обладающим малой доказательной силой. Он чаще используется для иллюстрации каких-то утверждений, чем для их обоснования. Да и в данном случае его смысл более чем сомнителен: по-моему, очень трудно представить себе, например, охоту орды невротиков на мамонта или крупного хищника, поскольку для этого требуется не только отменное физическое здоровье, но и незаурядное мужество, уверенность в себе и психическая устойчивость, чем невротики, как известно, не отличаются.

Я вовсе не собираюсь ставить под сомнение содержание фрейдовского исследования, а хочу лишь подчеркнуть, что оценивать его следует по весьма специфическим меркам. Древние формы человеческой жиз-

ни мы более или менее надежно оцениваем по ее материальным остаткам. В итоге можно довольно уверенно судить о виде и характере труда, образе жизни и миграциях наших древних предков. С помощью наскальных изображений и особенностей захоронений мы кое-что узнаем об их художественном вкусе и об отдельных обрядах. Для представления о мире их переживаний, эмоций и мыслей мы располагаем почти исключительно различными умозрительными приемами и толкованиями, предположениями, догадками или другими умственными конструкциями, на фоне которых даже аналогия выглядит конкурентоспособной. Правда, аналогия с первобытными народами и племенами весьма рискованна, потому что даже те из них, что сохранились до наших дней, живут по большей части в весьма специфических условиях (чересчур благоприятных или, наоборот, совсем неблагоприятных), и что у них сохранилось от их давнего прошлого, мы практически не знаем. Короче говоря, у нас нет надежного способа судить о достоверности предлагаемых Фрейдом решений психологических проблем, мы в состоянии оценивать только их правдоподобие или отсутствие такового. Понятно, что подобного рода оценки весьма и весьма субъективны.

Замечу кстати, что творение нашего новоявленного этнолога «Тотем и табу» вызвало заметный интерес в этнографических и антропологических кругах. Целый ряд ученых (скажем, Р. Бенедикт, М. Мид, Г. Рохейм, Б. Малиновский, который под впечатлением от прочитанного написал статью «Секс и насилие в первобытном обществе», где использовал идеи Фрейда о влиянии бессознательных и эмоциональных факторов на древнейшую культуру) были, вероятно, впечатлены правдоподобием фрейдовских построений, их опорой на своеобразную психологическую теорию.

Теперь остановимся на главных идеях «Тотема и табу». Фрейд, прослушавший у известного немецкого

философа Ф. Brentana факультативный курс о философии Аристотеля, начинает свое исследование как бы по рецепту Стагирита, с удивления по поводу того, что даже очень примитивные племена австралийских аборигенов весьма тщательно соблюдают такое ограничение своей половой жизни, как запрет инцеста, то есть ведут себя — согласно нашим нынешним представлениям — вполне нравственно, и в первой части книги, «Боязнь инцеста», Фрейд пытается решить эту загадку.

Такое поведение дикарей наблюдается в родоплеменных сообществах, где функцию социального регулятора осуществляет система тотемизма и где племя разделено на две фратрии с различными тотемами. Тотем — это чаще всего какое-нибудь животное, реже — растение или какой-либо природный объект, которого члены фратрии почитают как своего прародителя и покровителя. В свою очередь фратрии делятся на тотемические кланы с теми же двумя тотемами.

Если первые человеческие коллективы строились на основе кровно-родственных связей, то теперь возникает их новая, более обширная разновидность: родство определяется не «по крови», а по принадлежности к одному тотему. В конечном счете оно отодвигает кровное родство на второй план, не ликвидируя его окончательно. Но главное — устанавливается закон экзогамии, категорического запрета членам одного и того же тотема вступать в половые отношения друг с другом, а значит, и заключать между собой брак.

Вот этот запрет и отвращает, скорее всего, аборигенов Австралии от инцеста, поскольку его нарушение влечет за собой жестокое наказание — смерть. И это при том, что он исключает из возможного выбора сексуального объекта не только братьев и сестер, но и всех женщин и мужчин тотемного клана. Правда, не следует забывать, что само общество заметно выросло и, соот-

ветственно, количество возможных сексуальных партнеров тоже увеличилось.

Что же вызвало появление этого запрета? Таким вопросом задается Фрейд и выделяет, как мне представляется, два источника экзогамии: боязнь инцеста и искоренение остатков «группового брака», при котором некоторое количество мужчин сожительствовало с определенным количеством женщин, что, грубо выражаясь, напоминает «группенсекс».

В первом случае Фрейд исходит из сомнительного предположения, что первобытные люди были весьма предрасположены к инцесту и потому потребовались дополнительные меры для борьбы с ним. Но в-первых, требуется доказать, что дикарей сильнее тянет к сестрам, чем к другим женщинам клана. Во-вторых, Фрейд словно забывает, что около десятка лет назад говорил о пластичности сексуального влечения, о его способности менять свои объекты, средства и цели. Так что эта линия рассуждений не выглядит убедительной. Не меняют положения и его ссылки на обряд «избегания» мальчиком общения с матерью и сестрами. Он и сам, видимо, понимает слабость этих ссылок, тем более что очень много говорит о полезности «избегания» тещи (с которой поначалу и у него отношения не складывались, но это никакого отношения к инцесту не имеет). Да и в отношении ряда примеров Фрейд видит их происхождение из предрассудка, что оставшиеся наедине мужчина и женщина первым делом займутся сексом. Скорее, на мой взгляд, этот обряд связан с представлениями о привитии мальчикам мужественности.

Более убедительным представляется подход, связывающий экзогамию с попытками ликвидировать «групповой брак» или его остатки, что оказывается вполне адекватным средством для борьбы с групповым инцестом. Впрочем, можно добавить: и с индивидуальным инцестом тоже.

К сожалению, Фрейд уделяет этому источнику экзогамии маловато внимания, поэтому рискну добавить к направлению его мысли пару-тройку предположений. Во-первых, пока люди жили небольшими родами (до сотни-двух человек, может, чуть больше), удаленными на десятки километров друг от друга, инцест не был осуждаем, он был почти необходим. Во-вторых, «групповой брак» (не уверен в универсальности такой формы, но должен следовать логике Фрейда) наверняка повысил конфликтность внутри первобытных коллективов, осложнил воспитание детей (возможно, с ним связаны и другие сложности, вызванные ростом индивидуализма и ревности, разделением братской и половой любви и т. д. и т. п.), или, говоря проще, его необходимо было заменить какой-то более адекватной нашим совершенствовавшимся предкам формой индивидуального брака. В-третьих, экзогамия направлена прежде всего против предполагаемого бардака, а индивидуальный инцест является только его частным случаем. Так что, возникнув в более обширном, чем существовавшие ранее, сообщества, экзогамия решает и более крупные задачи: выступая против группового инцеста, она серьезно подрывает и индивидуальный инцест.

Прекрасно отдаю себе отчет в том, что мой последний вывод несколько отличается от хода мыслей создателя психоанализа: тот движется к пониманию массовых явлений от своих представлений о состоянии внутреннего мира отдельной личности, хотя и отлично понимает, что социальные явления обладают также собственными законами и механизмами. Так, он не раз говорил, что у культуры и индивида различные устремления. Именно это я и имел в виду, говоря, что родоплеменная община, вводя экзогамию, руководствуется не столько интересами своих членов, сколько необходимостью обеспечить сохранность расширившегося сообщества, однако, несколько ограничивая при этом выбор объекта любви,

она фактически увеличивает их количество и разнообразие.

Табу и амбивалентность чувств. Вторую часть книги отличает обилие и занимательность содержащихся в ней примеров (этим она напоминает «Психопатологию обыденной жизни»), однако ее эмпиризм несколько выбивается из данного весьма теоретичного сборника, поэтому остановлюсь только на одной ее идее, а именно на сути табу, этих самых первых своеобразных и все реже употребляемых ограничений действий людей. Хотя табу решают немало полезных задач (скажем, обеспечивают охрану особо важных для родоплеменных общин людей, людей в ослабленных состояниях и т. п.) и им беспрекословно подчиняются первобытные люди, они отличаются от религиозных запретов тем, что не отсылают к заповедям, а от моральных — тем, что не диктуют необходимости подчиняться исходя из самого факта их существования. При объяснении их сути Фрейд обращает внимание на двоякий смысл полинезийского слова «табу», означающего одновременно «святой, почитаемый» и «опасный, неприкасаемый». Эта двусмысленность отображает, по его мнению, то обстоятельство, что запретный предмет, персона или действие по отношению к ним, как правило, вызывают у дикарей амбивалентные чувства: они вожделенны для дикаря, но они же вызывают и сильнейший страх, способный довести нарушителя до смерти. Они так эффективны, потому что страх действует значительно сильнее чувства удовольствия. Далее Фрейд доказывает наличие этой амбивалентности у табу, действующих в отношении убиенных врагов, правителей и покойников из числа родственников.

Анимизм — первая форма мировоззрения. В третьем очерке книги Фрейд рассматривает такой важный компонент духовной культуры, как мировоззрение. Он выделяет три ступени его развития — анимистическую

(мифологическую), религиозную и научную, но, естественно, наиболее подробно описывает его первую и самую древнюю ступень — анимизм, который, с одной стороны, демонстрирует возросшую мощь человеческого мышления — способность охватить весь мир одним взглядом, а с другой — показывает буйство фантазии первобытных людей, населивших этот мир необозримым множеством духов и душ.

Как же первобытные люди пришли к такому своеобразному видению мира? Нам очень трудно судить, как развивалось мышление первобытного человека, но знакомство с мышлением детей позволяет предположить, что способность к обобщению, скорее всего, тогда еще не доросла до уровня абстрактных понятий, а сохранила первичную наглядность и конкретность. А поэтому заметную роль в нем играли рассуждения по аналогии с самим собой. Вероятно, дикарь мыслил подобно ребенку, который, ударившись о косяк, восклицает: «Дверь злая!»

Конечно, первобытный человек, мало-мальски научившийся мыслить, размышлял более всего о своих насущных делах. Но уже очень давно (около сорока тысяч лет назад) у него появилась возможность и способность создавать наглядные образы в виде статуэток и рисунков в пещерах и на скалах. Тогда же, либо несколько позже, он стал размышлять о себе и внутри себя ощутил наличие чего-то отличного от тела, назвав это при объяснении состояний сна и смерти словом «душа». Эта душа была совершенно независима от тела и могла покидать его. Знания первобытного человека об окружающем были, разумеется, невелики, и когда растущая любознательность побудила его окинуть внешний мир единым взором, он спроецировал на него то, что обнаружил в себе, а говоря проще, одушевил его. Причем сделал это очень последовательно, поскольку приписал наличие души не только животным, но и рас-

тениям и даже многим неживым объектам природы. Вместе с душой он наделил их также сознанием, потребностями, целями и другими человеческими качествами. За этим, как представляется, скрывается еще один немаловажный мотив — желание преодолеть чуждость мира, ощутить его родство с собой. Со временем души освободились от своей телесной оболочки, и появилось представление о «духах» — бестелесных существах.

Согласно Фрейд, анимизм создан мышлением, в первые от давним предпочтению мысленной, а не чувственной картины мира. Древние наши предки глубоко верили в его одушевленность и даже в его духовное сродство с ними и поэтому чувствовали себя довольно уверенно в мире, с субъектами которого можно было иметь дело, следуя правилам общения с другими людьми. Тем более что анимизм создал две техники — колдовство и магию, с их помощью первобытные люди получали возможность воздействовать на эти души и этих духов, которые, как они были уверены, управляли природными явлениями и силами. Мне нет необходимости вдаваться в детали этих техник, но об их различии несколько слов скажу. Колдовство пользуется обычными методами влияния на людей. Магия же предполагает применение разнообразных, порой своеобразных, приемов. К примеру, чтобы побудить поле принести богатый урожай, крестьянин ночью совершал на нем половой акт с женой. Сам Фрейд так поясняет это различие: «Если шумом и криком прогоняют какого-нибудь духа, то это чисто колдовское действие; если его подчиняют, завладев его именем, то против него была пущена в ход магия»¹. И хотя современные религии давно и решительно покончили и с колдовством, и с магией, следы их нетрудно обнаружить в пережитках и приметах наших современников.

¹ Фрейд З. Тотем и табу.

Для объяснения механизма этих двух техник Фрейд воспользовался помощью английского антрополога Эд. Тайлора, утверждавшего («Первобытная культура», 1871 г.), что, научившись создавать аналогии, древние люди ошибочно решили, будто их власть над мыслями распространяется и на предметы этих мыслей. А это означает, что для анимистического мышления меняется соотношение физического и психического вообще: предмет отступает на второй план по отношению к представлению о нем. Действия, совершаемые над последним, должны, по мнению дикарей, повлиять и на первый. Фрейд назвал эту особенность анимизма «верой во всевластие мышления».

Фрейд рассматривает, хотя и бегло, судьбу этой идеи в истории мировоззрения. Если в эпоху анимизма человек был как бы зачарован всемогуществом своих мыслей, то в период доминирования религии он уступает значительную часть его богам/богу, сохраняя при этом веру в возможность повлиять на них/него почитанием, молитвами и т. п. В эпоху доминирования науки человек стал сознавать ограниченность своих возможностей, однако древнюю иллюзию он преобразует в убеждение, что, преуспев в научном познании мира, сумеет повлиять на его законы сообразно своим потребностям и желаниям. Можно также добавить, что в некоторых социальных группах существует вера во всеисилие разума (просветители) или во всемогущество науки (сциентисты).

Понятно, что здравомыслящему человеку непросто представить себе анимистическую картину мира. Напомню, однако, о Дж. Беркли с его «Существовать — значит быть воспринимаемым» и фактическим отрицанием мира физического. Беркли вполне можно признать сторонником анимизма или панпсихизма. Фрейд же для прояснения этой ситуации прибегает к аналогии, приравнивая дикарей к невротикам. Действитель-

но, параноик чувствует себя окруженным врагами даже в самой благожелательной обстановке. Но уже говорилось, что представить первобытных людей невротиками или маньяками мне не удастся. Разве только допустив какие-то кратковременные поражения разума вроде коллективных галлюцинаций типа видения богоматери множеству верующих в Фатиме в 1917 г. Вполне допускаю, что первобытные люди, пусть изредка, могли видеть дриады или nereид, богов или богинь.

Прежде чем перейти к последней части «Тотема и табу», напомним, что Фрейд еще не считал анимизм религией, но духовным продуктом, обладающим целым рядом ее важных свойств и функций — например, представлением о бессмертии души.

Тотемизм — первая форма религии. В последнем, подводящем итоги исследования очерке Фрейд вновь возвращается к тотемизму, потому что, на его взгляд, через него прошли все народы и многие обычаи и нравы в различных древних, да и в современных, обществах следует понимать как пережитки тотемической эпохи. В истории эта эпоха оставила глубокий след: в социальном плане она научила древних людей соблюдать различные заповеди и ограничения, а в религиозном отношении выработала у них более обширное, чем прежде, чувство социальной сплоченности. Почитание общего тотема сделало членов тотемических кланов братьями и сестрами по вере, обязанными помогать друг другу и вместе защищаться от чужаков.

Вместе с тем Фрейд выделяет три оставшиеся нерешенными проблемы: как возникла вера в животное в качестве прародителя и попечителя и каковы мотивы экзогамии, а также какова ее связь с тотемизмом? Его ответы составили самую важную, но и наиболее спорную часть исследования. В последнем случае он не ограничивается только собственными соображениями, но и опирается на дополнительный биологический и этнологический материал.

Отвечая на первый вопрос, Фрейд в очередной раз обращается к помощи аналогии. Он отмечает, что в отношении к животным древние люди и современные дети очень похожи: и те и другие чувствуют родство с ними. А дальше Фрейд переходит в область психопатологии и вспоминает о своих пациентах — детях, страдающих от разного рода фобий, — необоснованной боязни безобидных животных. Он констатирует, что психоанализ установил следующее: вызывающее страх животное заменяет отца, от которого ребенок по каким-то причинам ожидает наказания. А поскольку, по напоминанию Фрейда, древние люди прямо называли тотемное животное своим прародителем, значит и оно является заменой отца. Стало быть, обнаруживается неожиданное сходство между Эдиповым комплексом, вызывающим фобию ребенка, и двумя запретами тотемизма, через которые как бы проступает преступление Эдипа, убившего отца и женившегося на его вдове, то есть своей матери. И если это сходство не случайно, то, видимо, в нем, по мнению Фрейда, и сокрыт смысл тотемистических запретов.

Для доказательства этого создатель психоанализа переходит к толкованию обнаруженного британским востоковедом У. Робертсоном-Смитом в религии древних семитов обряда жертвоприношения, превратившегося со временем в торжественную тотемистическую трапезу. Фрейд считает, что главной ее целью было не жертвоприношение тотему, а сплочение членов тотемистического клана. Праздненство начиналось с коллективного убийства обычно защищенного запретом тотемного животного и последующего поедания его членами клана, что, согласно очень древним представлениям о совместной трапезе, сближало ее участников. Кроме того, они тем самым обновляли и свое богоподобие, ведь фактически тотем представлял собой первый вид божества. По окончании пиршества животное оплаки-

Содержание

<i>Р. Ф. Додельцев</i> Культура глазами психотерапевта	5
БУДУЩЕЕ ОДНОЙ ИЛЛЮЗИИ	35
НЕПРИЯТИЕ КУЛЬТУРЫ	99
ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ МОИСЕЙ И МОНОТЕИЗМ	195
НАВЯЗЧИВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ	349
«КУЛЬТУРНАЯ» СЕКСУАЛЬНАЯ МОРАЛЬ И СОВРЕМЕННАЯ НЕВРОТИЧНОСТЬ	363
НА ЗЛОБУ ДНЯ: О ВОЙНЕ И СМЕРТИ	391
О МИРОВОЗЗРЕНИИ	425
ОДНО РЕЛИГИОЗНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ	457
ОБРЕТЕНИЕ ОГНЯ	463
ПРЕДОТВРАТИМА ЛИ ВОЙНА?	473
Примечания. <i>Р. Ф. Додельцев</i>	491